

Часъ у А. Н. Майкова.

(Къ 15-лѣтїю со дня смерти поэта).

Когда хоронили артистку В. Ѳ. Комиссаржевскую и пространство отъ Знаменской площади до Александро-Невской лавры было настолько запружено народомъ, что трамваи и паровикъ прекратили движеніе, а на колесницахъ провозили безчисленное множество вѣнковъ и живые цвѣты, — мнѣ невольно вспомнились другія похороны...

Это было въ началѣ марта 1897 года.

Подъ балдахиномъ стоялъ довольно нарядный гробъ съ нѣсколькими вѣнками. Дроги везла пара лошадей, съ траурнымъ покрываломъ... За ними мелькало нѣсколько треуголокъ и двѣ—три гвардейскія барашковыя шапки со звѣздой. Далѣе тянулась небольшая группа гимназистовъ и нѣсколько десятковъ людей, примкнувшихъ къ процессіи случайно, съ улицы; потомъ три—четыре кареты.

Можно было подумать, что хоронятъ какого-нибудь престарѣлаго „звѣздоносца“ въ отставку или довольно зажиточнаго обывателя-буржуа, никому невѣдомаго, кромѣ тѣснаго кружка знакомыхъ и немногочисленныхъ представителей учащейся молодежи, которымъ онъ покровительствовалъ.

Если бы на эти похороны взглянулъ заѣзжій иностранецъ и полюбопытствовалъ узнать имя покойника, онъ былъ бы чрезвычайно удивленъ отвѣтомъ, что крещеная Русь хоронитъ не тайнаго совѣтника Майкова, а поэта Майкова, своего извѣстнѣйшаго поэта, послѣдняго могикана Пушкинской плеяды.

И мнѣ невольно подумалось тогда, насколько поэзія — неблагоприятный трудъ для кричащей славы и насколько выгоднѣе призваніе артиста, который вызываетъ въ толпѣ непосредственный восторгъ...

Въ самомъ дѣлѣ, кому могли быть интересны въ послѣднія десятилѣтія нашей развивающейся общественной жизни античная поэзія автора „Двухъ смертей“ или его тонкія и красочныя описанія природы, какъ, наприимѣръ, въ стихотвореніи „По нивѣ прохожу я узкою межою“, или чтеніе манифеста полуграмотной дѣвочкой въ крестьянской семьѣ, или деревенская дурочка Дуня?!

Опустили гробъ Аполлона Николаевича въ могилу... Поэтъ Леонидъ Афанасьевъ и, кажется, еще кто-то прочли обычныя надгробныя стихотворенія—и спокойные зрители похоронъ мирно разошлись по домамъ.

Нашлись даже журналы (какъ, напр., небезъизвѣстный въ то время „Миръ Божій“), которые о смерти маститаго поэта дали „петитомъ“ самыя сжатые некрологи, какъ будто рѣчь шла о какомъ-нибудь Пальминѣ, Яхонтовѣ или Алмазовѣ...

Переносусь къ личному воспоминанію.

Въ началѣ 90-ыхъ годовъ, за нѣсколько лѣтъ до кончины Майкова, я, тогда еще начинающій, съ тетрадью рукописныхъ стиховъ отправился къ Аполлону Николаевичу на квартиру.

Это было на масленицѣ.

Меня провели въ кабинетъ поэта, большой и свѣтлый, съ обстановкой не слишкомъ роскошной, но и далеко не бѣдной.

Смущаясь, послѣ нѣсколькихъ общихъ словъ, я передалъ Аполлону Николаевичу тетрадь и просилъ его дать искренній совѣтъ: продолжать ли мнѣ начатое дѣло?

По доброму и чрезвычайно симпатичному лицу вдохновеннаго старца пробѣжала улыбка: видно, просьба моя была ужъ слишкомъ банальна, и ужъ далеко не я первый обратился къ нему для указанія путей...

Но когда А. Н. принялъ отъ меня рукопись и началъ на выдержку читать написанные разборчивымъ почеркомъ стихи, лицо его сдѣлалось серьезнымъ до строгости.

Прочитавъ стихотвореній двадцать, поэтъ-старецъ возвратилъ мнѣ тетрадь.

— Продолжайте, молодой человѣкъ, — мягко заговорилъ онъ: у васъ есть главное—фантазія, а остальное выработается.

Я выразилъ Аполлону Николаевичу сожалѣніе, что не знаю языковъ и не имѣю надлежащей образовательной подготовки.

— Все это пустяки. Изучайте только быть Россіи—хорошенько, всесторонне, а потомъ—ея исторію. И работайте... Больше вамъ ничего не нужно.

До встрѣчи съ Майковымъ моими наставниками были покойные Вс. Серг. Соловьевъ и В. П. Острогорскій, причѣмъ каждый старался привить мнѣ свои собственныя тенденціи,—а люди они были совершенно различные, какъ по складу души, такъ и по взглядамъ.

Я поспѣшилъ передать все это моему собесѣднику.

— Не слушайте никого! Работайте и изучайте Россію!—повторилъ онъ, и разговоръ нашъ кончился.

Мнѣ хотѣлось бы, для характеристики вкуса Аполлона Николаевича, привести здѣсь одно стихотвореніе изъ той тетради: „Встрѣча“, какъ я слышалъ, переложенное впоследствии на музыку.

А. Н. вслухъ прочелъ его два раза. Мнѣ кажется, въ этомъ заурядномъ рѣмованномъ наброскѣ его подкупило ничто иное, какъ искренность чувства и естественность перживаній.

Вотъ эти 16 строчекъ:

Мы такъ безумно ждали встрѣчи,
Полны чарующей мечты;
И мы—вдвоемъ... Но наши рѣчи
Такъ принужденны и пусты.
Я вижу: локонъ шаловливый
Упалъ на твой смущенный ликъ,
И взоръ глубокой и стыдливый
Такъ выразительно понякъ.
Въ насъ бьется тайная тревога,
Мы чувствомъ скованы однимъ,
И мы хотимъ сказать такъ много,
И такъ томительно молчимъ.
А ночь, въ таинственномъ сіяньѣ,
Полна любви и красоты,
Ручья такъ нѣжно лепетанье,
Такъ страстно шепчутся листы...

А. Мейснеръ.